83.3Аб
Б34

Академия Наук СССР — Грузинский филиал
Труды Абхазского научно-исследовательского института
им. акад. Н. Я. МАРРА
Отдел языка и литературы.

Х. С. БГАЖБА

ОЧЕРКИ ОБ АБХАЗСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

СУХУМИ
ИЗДАНИЕ АВГИЗА
1940 г.

83.3 Аб
Б 34

Академия Наук СССР — Грузинский филиал
Труды Абхазского научно-исследовательского института
им. акад. Н. Я. МАРРА
Отдел языка и литературы.

Выпуск XVIII

Х. С. БГАЖБА

ОЧЕРКИ ОБ АБХАЗСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

4363

БИБЛИОТЕКА
АБХАЗСКОГО ИНСТИТУТА
ГУМАНИТАРНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

СУХУМИ — АБГИЗ — 1940 г.

ВВЕДЕНИЕ

Мы не имеем еще литературно-критического исследования, обобщающего достижения абхазской художественной литературы, или хотя бы элементарного пособия по этому вопросу *).

Правда, абхазская литература еще сравнительно молода, но она переживает плодотворный рост, как и все стороны нашей большой созидательной работы, таящей в себе неисчерпаемые возможности.

Настоящая работа ставит скромную цель — кратко, почти фрагментарно, осветить основные достижения абхазской литературы.

Важна роль устного народного творчества в выработке стиля и формы национальной литературы, в частности и абхазской, в неотъемлемом сочетании с ее социалистическим содержанием.

Факты из истории литературы с достаточной убедительностью говорят нам, что искусство художественного слова зародилось в устном творчестве народа. „Наиболее глубокие и яркие, художественно совершенные типы героев созданы фольклором, устным творчеством трудового народа“ (М. Горький). В сказках, легендах, пословицах, где так ярко представлена неиссякаемая духовная энергия народа, мы находим бесконечное множество образов и мотивов, которые легли в основу развития художественной литературы народов. Особо непосредственное воздействие фольклор оказал и оказывает на художественную литературу тех народов нашей страны, которые не имели раньше своей письменности и только в условиях советского строя, под руководством великой партии Ленина—Сталина, получили все необходимое для развития своей духовной культуры.

Через бури исторических испытаний пронес абхазский народ свою самобытность и культурные традиции.

---

*) За исключением работы Михаила Делба „Основатель абхазской литературы Дмитрий Гулия“ и очерков пишущего эти строки „Краткий обзор современной абхазской литературы“, 1933 г., на абх. яз.

Красочна и богата устная словесная культура абхазцев. Народ проявил в ней всю красоту своего духовного творчества. Касаясь значения устной литературы у бесписьменных народов, в частности абхазцев, акад. Н. Я. Марр писал:

„Но и устная литература носит в себе все качества созидательницы общего языка. В частности, в абхазской устной литературе, когда работа только что начата собиранием ее памятников, мы находим, очевидно, давно сложившийся общий во многих отношениях литературный язык, что же касается содержания, то оно отражает древнейшую религию кавказских коренных народов, астральный культ с поразительной жизненностью". *)

Огромное влияние оказал фольклор, как будет указано ниже, на творчество основателя абхазской литературы Д. Гулия и талантливого поэта И. Когония.

Поэтому желательно было бы предпослать настоящим очеркам краткий обзор устного творчества абхазцев, но, к сожалению, нынешнее состояние собирания и разработки абхазского фольклора не дает еще достаточно изученного материала для теоретического обобщения. Поэтому эта работа остается пока лишь в проекте.

Абхазский фольклор советского периода еще достаточно не изучен. А между тем в нашей великой стране фольклор живет новой полнокровной жизнью.

„Для устной поэзии трудящихся масс, — пишет акад. Ю. М. Соколов, — настала пора великого расцвета. Теперь не может быть такого положения, чтобы оказались незамеченными и неприметными общественным вниманием выдающиеся народные таланты. Теперь имеются все предпосылки для самого широкого развития народных талантов. Для народного творчества наступила самая счастливая яркая эпоха, освещенная гением Сталина". **)

Надо обратить серьезное творческое внимание на народных сказителей. Необходимо изучить условия и обстановку их жизни, присмотреться к искусству их рассказывания, импровизации, определить их творческую личность. На эту сторону вопроса особо обратил внимание проф. Андреев в своей статье об абхазских сказках, помещенной в редактированном им сборнике „Абхазские сказки" ***).

---

*) Н. Я. Марр. „О языке и истории абхазов". Ленинград, 1938 г., стр. 86.

**) Ю. М. Соколов. „Русский фольклор". Учебник для высших учебных заведений. Москва, 1939 г.

***) Это первый сборник, который можно считать научным изданием абхазских сказок и полезным вкладом в фольклористику.

Организованное собирание всех видов (жанров) абхазского фольклора стоит в первую очередь перед писателями и научными работниками, как серьезная и неотложная обязанность.

Солидный подъем переживает абхазская культура. Уже можно говорить об установившейся прекрасной и своеобразной литературе абхазского народа.

Этих замечательных успехов достигла Абхазия в результате проведения в жизнь мудрой ленинско-сталинской национальной политики, благодаря неустанным заботам великого **Сталина** и его верного соратника Л. Берия, с именем которого неразрывно связан блестящий расцвет Грузии.

I.

Только в 60-х года прошлого столетия была создана абхазская письменность. Разработал ее барон Услар, генерал-лейтенант царской армии, активно участвовавший в завоевании Кавказа, деятельный исследователь кавказских бесписьменных языков.

„Целью Услара было не обучение детей абхазцев грамоте, — пишет Д. Гулия, — но изучение самих абхазцев, их обычаев и нравов, чтобы нащупать более легкие пути для полного подчинения Абхазии русскому царизму".

О значении введения письменности для горцев Услар писал: „Туземная грамота должна служить только к тому, чтобы отвлечь горцев от арабского языка и облегчить для них изучение русского. Все, что утратит первый язык, обратится прямо в пользу второго". *)

„Самостоятельной литературы они (горцы), по самому положению своему, иметь не могут и никогда иметь не будут". **)

По словам Марра, „реализм в лингвистическое исследование Кавказа внес знаменитый русский языковед барон Услар, выдвинув на первый план исследование нелитературных языков края ***).

Было ценным высказывание Услара об изучении устного творчества и живой речи в качестве объекта лингвистического исследования.

„Сказки, песни, поговорки, живущие в устах народных, составляют единственный, вполне надежный, ничем посторонним не засоренный источник к изучению языка. Собрание всего изустно-живущего в народе должно составить первый письменный памятник после создания азбуки. Одни даже повседневные разговоры, будучи записанными, доставят данные, которых тщетно стали бы отыскивать в преждевременных переводах с русского". ****)

В 1865 году комиссия генерала И. Бартоломея выпускает первый абхазский букварь, составленный на основе буквенных начертаний Услара с небольшими изменениями.

---

*) П. К. Услар. „Этнография Кавказа. Языковедение. Абхазский язык". Тифлис, 1887 г., стр. 28.

**) П. К. Услар, стр. 27.

***) Н. Марр. „Кавказ и памятники его духовной культуры".

****) Там же, стр. 103—104.

На протяжении шестидесяти лет были переведены на абхазский язык и изданы популярные религиозные брошюры, евангелие, литургия и прочие церковные книги *). Они издавались по инициативе „Общества распространения христианства на Кавказе".

В 1892 году выходит азбука абхазского языка, составленная Д. Гулия совместно с К. Мачавариани. „Со временем по этой азбуке, — пишет Д. Гулия в своем воспоминании, — начали учиться грамоте абхазцы. Открылась возможность говорить с народом на его родном языке. Конечно, было чрезвычайно тяжело продвигать и пропагандировать абхазскую книгу в условиях царского самодержавия через школу, где занятия велись преимущественно на русском языке. О других путях первое время нечего было и думать. Но, так или иначе, основа была заложена. Впереди предстояла упорная каждодневная работа и борьба". („Рождение абхазского театра".)

В 1909 году эта азбука была усовершенствована народным учителем Андреем Максимовичем Чочуа, с именем которого тесно связаны ростки просвещения и культуры абхазского народа. Вместе с основоположником абхазской литературы народным поэтом Д. Гулия — А. М. Чочуа является в настоящее время одним из популярных работников культурного фронта в Абхазии.

Но оригинальной литературы абхазцы не имели.

О целях и задачах „просвещения" абхазцев более откровенно высказался архимандрит Леонид:

„По нашему мнению, для абхазцев, считающихся христианами, не столько нужны прогимназии, сколько церковно-приходские училища и такие пастыри, которые, усвоив себе хорошо катехизическое учение православной церкви, умели бы проповедывать его детям на живом и понятном языке и обучать русской грамоте, будучи сами тверды в знании оного. Вот, по нашему мнению, первая и существенная надобность для абхазцев, а не европейское образование". **)

„Ростки национальных культур, пытавшихся пробиться сквозь мрак царского самодержавия, беспощадно заглушались" (Л. Берия).

---

*) „Деяния апостолов, читаемые по воскресным дням, праздн. дням, дням святых и дням княжеским". Тифлис, 1913 г. „Краткая священная история" (Т. 1866). „Молитвы, 10 зап. и присяжный лист" (Т. 1910 г.). „Нотный обиход литург. песнопений" на абх. яз. (Т. 1912). „Святое еванг. Иисуса Христа от Матвея, Марка, Луки и Иоанна" (Т. 1912). „Требник" (Т. 1907). „Литургия Иоанна" (1907).

**) „Абхазия и в ней Ново-Афонский монастырь". Киев, 1885 г. стр. 76.

По данным переписи 1897 года, в Абхазии более девяти десятых всего населения было неграмотно. Можно смело сказать, что в это число полностью входили все трудящиеся абхазцы. При меньшевиках закрылись даже некоторые из тех школ, которые существовали при царизме.

Д. Гулия вспоминает, какой была при меньшевиках в 1919—1920 гг. единственная абхазская школа в Сухуме:

„Школа закрылась. Преподаватели разбежались. Школьное здание наполовину было заполнено сеном, а другая половина была обращена в конюшню. Во дворе бегал целый табун лошадей. Здание стало гнить. Стекла были разбиты, двери сломаны..." („Три школы").

Зарождение абхазской художественной литературы тесно связано с именем Дмитрия Иосифовича Гулия, который начал свою творческую деятельность в начале 900-х годов.

Биография Д. Гулия — это энциклопедия многообразных, интереснейших сведений по истории абхазской культуры, это — увлекательный рассказ о важнейших исторических событиях, на фоне которых развивалось творчество писателя.

Родился он в 1874 году, в селении Уарча, Гумистинского участка, в семье бедного крестьянина Урыса Гулия.

Впоследствии Урысу Гулия, по велению начальства, запрещено было жить в Гумистинском участке, и он переселился в село Адзюбжа, Кодорского участка.

Здесь и провел свое детство Дмитрий.

„Я почти каждый раз вижу, — вспоминает М. Делба, — когда еду в родное село, старую усадьбу Урыса Гулия. Умер старый Урыс, а сыновья его пошли в „люди". Там сейчас пустынно и никто не живет. Лишь случайные остатки домашней утвари, груды камней, да доживающие без призора свой век старые абхазские яблони и другие садовые деревья говорят о том, что здесь жили люди. Это настоящая „акепта" *), вокруг которой идут радостная жизнь и трудовые дни колхозников".

В своих воспоминаниях („Три школы") ярко описал он свое детство, воспроизвел мрачную картину в дореволюционной Абхазии. Однажды некий Мурзакул случайно сказал отцу молодого Гача (так звали Дмитрия в детстве):

„В Сухуме есть школа, но туда принимают не больше 25—30 детей. Надо иметь крепкую поддержку, чтобы втиснуть туда своего сына. Сейчас в Сухуме находится кутаисский губернатор. Возьми к нему мальчика и подай прошение, и возможно, губернатор примет его".

Отец повез маленького Гача в город. После долгих хлопот, продолжавшихся три года, Дмитрий стал учени-

---

*) Пустырь.

ком. В 1889 г. поступает в учительскую семинарию в Гори, но через четыре месяца вынужден был оставить учебу по болезни. Когда же он выздоровел, его отказались принять обратно.

Подал прошение в Хонскую семинарию, но оттуда получил нерадостный ответ: „Так как Гулия, получив извещение еще в прошлом году от г. попечителя Кавказского Учебного Округа о том, что он будет принят на счет казны без экзамена в Кутаисскую учительскую семинарию, куда он не явился, а поехал в Гори, выдержал экзамен и поступил, — этим он выразил свое нежелание учиться в этой семинарии и поэтому отказать в поступлении в этом году в означенную семинарию".

„Простой человек, — пишет М. Делба, — в сером учительском мундире, Дмитрий Гулия первым дерзнул в те мрачные годы царского режима изложить благородные мысли своего народа в стихах".

Первый сборник Д. Гулия „Стихотворения" (Тифлис, 1912 г.) явился началом и основанием абхазской художественной литературы. Печатание сборника не обошлось без серьезных придирок цензуры. Многие стихи не раз возвращались из Тифлиса в Сухум для проверки их содержания.

Особое подозрение, по словам автора, вызвало стихотворение „Ходжан-ду". В своем первом сборнике Д. Гулия выступил, как вполне сложившийся и зрелый поэт. Уже в этих ранних стихах ясно наметилась ведущая линия его творчества (простота и народность). Анализ ранней его поэзии представляет интерес не только с точки зрения идейного аспекта, но и стилистического состава в целом. Стихотворения „Ходжан-ду", „Какое милое создание" (1909 г.), „Гуляка" (1909 г.) и другие, написанные в эпоху мрачной реакции, были направлены против князей и дворян, угнетавших народ. В небольших по размеру, но социально насыщенных стихотворениях, автор создает обобщенные типы хищных феодалов (образы тавадов и аамыста, превратившихся в гуляк, „лишних людей"). „Ходжан-ду" (1906 г.) написано в нарастающем темпе авторского настроения. Начало носит юмористический характер („Право, мил мне Ходжан-ду"), но юмор очень скоро сменяется едкой сатирой:

Без стыда односельчан
Натравил он друг на друга,
Всех провел и ввел в обман,
А потом пришлось им туго.

В их раздорах вечно прав,
На поминках их пируя,
Жатву первую собрав,
Норовит собрать вторую.

У злодея семь сынов,
И в отца пошли все дети,
И любой из них готов
Обездолить всех на свете.

Ко́ней метит их тавро;
И закон—в руках, и нравы,
Ненавистно им добро,
И деянья их кровавы.

Поэт рисует крушение этой семьи:

Что ж случилось с Ходжан-ду?
Двор зарос, исчезла сила,
Лебеда в его саду,
И зараза скот скосила.

(Пер. с абх. Б. Брик.)

Поэт страстно любил народ („Весна"), стремился повысить народную энергию (стихотворение „Ум, знание, сила", 1910 г.).

Необходимо особо остановиться на цикле стихов, посвященных старине, обычно упускаемых некоторыми критиками, но, по нашему мнению, имеющих ценность для уяснения творческой биографии писателя. Автор в них идеализировал патриархально-феодальное прошлое Абхазии. В прошлом Абхазии поэт искал цельных и чистых натур, обладающих сильной волевой энергией, героизмом и честностью. Этот уход от действительности был тоже формой протеста, но не активной. В одном стихотворении (1913 г.) поэт, как бы сам чувствуя эту слабость, жалуется на то, что как трудно разобраться в лабиринте жизненных явлений.

В стихотворении „Отец и сын" (1906 г.) это выражено особенно ярко:

„Князь именитый, врагами гоним,
Сына воспитывать отдал родным.
Сын возмужал под опекой родных
И воевать отпросился у них.
Он не страшился в горах никого,
Все за отвагу хвалили его.
Ранен смертельно и раной томим,
Он умирать воротился к родным.
Родичи храброго к дому отца
С черною вестью послали гонца.

Сын же, проведав, что выехал князь,
С ложа поднялся, к стене прислонясь.
Пороховницу надев и ружье,
Родичам молвил он слово свое:
„Сын да склоняется перед отцом!
Не подобает лежать мне при нем".
В опочивальню родитель спешит,
Видит: стоит, неподвижен, джигит.
„Жив бы остался — так вышел бы толк!" —
Родичам молвил отец и умолк.
И поспешил воротиться он вспять,
Чтоб не заставить героя стоять.
Только дождавшись ухода, без сил
Рухнул отважный — и дух испустил.
Это случилось в былые года,
Но не бывало с тех пор никогда.

(Пер. с абх. Б. Брик.)

Следует оговориться, что в творчестве Гулия того периода нередко встречаются и элементы религиозно-мистического характера („Видение воскресшего", „Спокойствие" и др.).

Поэт силен критической стороной своего творчества, а не этими социально переходящими мотивами и нюансами. Именно здоровое, цельное в творчестве Гулия того периода входит в наш культурный фонд.

В 1913 году вышел второй сборник его стихов, куда вошли поэма „Письмо юноши и девушки" и несколько стихотворений. Это первая абхазская любовная лирика, веселая и жизнеутверждающая. Поэтические образы и сравнения взяты из устной народной поэзии, ритм стиха напевен, богат эвфонией. Недаром эта поэма и до сих пор поется под аккомпанемент ачангури.

В 1917 году, приветствуя революцию, наш поэт призывает народ к строительству новой, свободной жизни; с большим социальным оптимизмом пишет стихотворение „Вперед".

Период господства в Абхазии (1918—1920 гг.) контрреволюционного меньшевизма и проводимая им политика национальной розни наполняют писателя чувством боли за свой народ, но тем не менее он не находит выхода, положительных ценностей Этим значительно объясняется чувство одиночества и обуревающая его печаль. Свое грустное и пессимистическое настроение поэт трогательно выразил в стихотворении „Родина":

Отчего накинула
Облачную шаль,
Что ты плачешь, родина,
И о чем печаль?

Об уплывших за море,
Об ушедших вдаль?
Отчего ты в трауре
И о чем печаль?

Стыдно ли невежества,
Иль погибших жаль?
Что ж грустишь ты, родина,
И о чем печаль?

(Пер. с абх. Б. Брик.)

В 1919—1920 гг. по распоряжению меньшевистского правительства начала выходить первая абхазская газета „Апсны". Меньшевики хотели превратить эту газету в удобный для себя идеологический рупор, но, как вспоминает редактор газеты Д. Гулия: „Газета эта, можно сказать, была по преимуществу литературной, где помещали молодые поэты свои произведения: стихи, рассказы, пьесы и проч. Такой характер ей был придан, чтобы она не сделалась орудием меньшевиков, для проведения своих политических целей."

В газете печатались статьи, вскрывающие меньшевистское варварство: „Сухумская горская школа" сегодня стоит опустошенной (буквально оголенной) и вонючей, как старый пастушеский шалаш".

На страницах газеты пропагандировал идею просвещения абхазского народа, давал советы учителям деревенских школ, печатал богатую информацию о состоянии школьного дела в Абхазии.

„Владеющие грамотой, — призывал Гулия, — работайте не покладая рук. Неграмотных обучите грамоте, читайте им, направьте их к свету знания, используя газетное слово". (Газета „Апсны" № 1, 1919 г.)

К 1919 году относится организация первых литературных кружков. Впервые такой кружок был организован в Сухумской учительской семинарии. Литературный кружок издавал еженедельный журнал „Утренняя звезда" (დილის ვარსკვლავი).

Молодые литкружковцы во главе с семинаристом, ныне покойным Антоном Шакая, работали с большим энтузиазмом и энергией.

Д. Гулия в статье (см. газету „Апсны" № 35, 1919 г.) „Утренняя звезда" описывает одно собрание литкружковцев:

„... 23 ноября наши питомцы читали свой журнал „Утренняя звезда", и с тех пор я убедился, что наш труд не пропал даром, посев наш показал свои всходы. Прочли они „Утреннюю звезду", и увидел я утреннюю звезду, яркую звезду, надо полагать, уже скоро станет светло, —

так я надеюсь. Так что, сколько бы труда я ни приложил к этому делу (делу литературы — *Х. Б.*), не чувствую тяжести, они, питомцы, меня направили к яркой надежде, окрылили меня для работы. Будьте счастливы, дадраа *), наши юноши, наши наследники, наша надежда, мои питомцы, озарившие мой труд... Уже я уверен, что через 4—5 лет мы будем бегло читать и писать на своем родном языке".

В газете „Апсны" печатались многие любители-энтузиасты, которые заинтересовались впервые родным словом (М. Хашба, М. Лакербай и др.).

Стихотворения М. Лакербай, помещенные в первой абхазской газете, несомненно, талантливы. В стихотворении „К Д. Гулия" (газета „Апсны" № 6, 1919 г) Лакербай дает восторженную оценку творческой деятельности первого абхазского писателя и призывает его к дальнейшим успехам на пользу народного дела:

უშანეიუა უნეი, უუს გურვაგაზ,
უაყუმწგნ, უამთაზ ინაგძა!
იუცოგხაანთოუგაგ მჩკლა უაწაზ,
უზხაგმძო ცასჭაა უჩანაძგგძა

უუს ხაანთოუპ, იუს დუუპ;
იმაჭგმ იაქუძხაოუ ჟილარა!
უაზნეი, უჩანაქურძ, იპატუუპ,
უი ეიფშან აუს დუ აზ აფსრა...

ურცოგმშიაძან უაჟოგას იუიააიუა,
უხგ უამეიგძან, უჩანწაკგ!
უაფგლ ხაქუითრა ჟილარ ირზაайуа,

უფშანიშ, იუბომა ამრა გგლოიტ;
მაკაანა იცოგვწაჭჭოიტ иара,
უბგს ხუჭგ-ხუჭლა იჭანგხоიტ
ჰარა ჰაზჩანეიხар, ჰაფსგნра!..

უზქულაზ амҳа хараძазааиტ,
უახანეуа унеиуеиტ, иხაწа!
უუს უზწალაზ иხаанთაძазааиტ,
иჩჰа ეგაუგგм инагда!..

აფსნგ ალა ხჳოუპ, алгмჰа дагуоуპ,
лашанара заайуам, — илашцоуპ;
иазგლუხტ амҳа, маჭძაკ уგგუპ —
лашанара ааиуа рацааძоуპ...

უაჟოოუპ иххгмჰკуа ус инеиуа
маკаана иჰамоу ხგრჩანხუараს;
უაჟოოუპ иაწаас иაჰზგшаеи-шаеиуа
უაჟოოუპ иჰамоу гулгртаს.

*) Ласковое обращение старших.

В этой же газете начал свою творческую деятельность и Мушни Хашба, как автор стихов и коротких рассказов (например: стихи — „Апсны", „Луна" „В школу", „Школа осенью", рассказы — „Дзызлан", „Как Хаджамат поймал голубя", „Храбрость Аджгери-Ипа Кучука").

В газете помещен довольно богатый материал из устного народного творчества.

Все эти авторы были воодушевлены стремлением развить свою национальную культуру, но, в условиях меньшевистского гнета, это была неосуществимая мечта.

В это время социальные мотивы значительно доминируют в творчестве нашего поэта. Он откликается на злободневные вопросы. Высмеивает ту часть абхазской интеллигенции, которая пошла за меньшевиками, изменив народному делу („И счастливо же мне", 1919 г.).

Призывая народ сплотиться для борьбы, поэт обращается к своей стране:

Прекрасное мне сердцу близко. Плохую песню не спою
Тебе, Апсны!
И нет усталости во мне, отдам всю силу я свою
Тебе, Апсны!
Тебе слова мои звучат и не умолкнет мой язык,
И льется стих.
Молюсь дупой я за тебя,
Пусть не услышат сердца крик.
Не бойся трудностей,
Апсны!
Кто побеждает зло — боец,
Достойный похвалы.
Хорошим только мало быть.
Борьба — вот друг таких сердец,
Что в бурю могут плыть!

Мечтает увидеть народ расправившим крылья, навсегда избавленным от темноты, невежества и насилия („Мое желание", 1919 г.):

О, если бы сбылось мое желанье
И я увидел свой родной народ
Добившимся и радости и счастья,
Идущим гордо к знанию вперед!

Поэт выступает страстным поборником просвещения своего народа. В этот период Д. Гулия все чаще и чаще обращается к сокровищнице классической грузинской литературы, особенно к творчеству И. Чавчавадзе и А. Церетели.

Пишет стихотворение „Зацвели горы“ (1919 г.) в подражание И. Чавчавадзе:

Зацвели равнины,
И леса, и горы,
И кругом — цветы.
Родина, когда же
Зацветешь и ты?
Пробудились долы,
И запели птицы,
Сон стряхнул народ.
Родина, когда же
Будет твой черед?
Вольные народы
Развивают знанья
И язык родной.
Родина, когда же
Станешь ты такой?

II.

Уже в начале двадцатого века большевизм донес до Абхазии великое учение Ленина—Сталина. Революционным движением 1905 года в Абхазии руководил Серго Орджоникидзе. 1921-й год приносит абхазскому народу, как и всем народам Грузии, большую радость и удовлетворение. В феврале—марте пала навсегда меньшевистская власть. Кончились черные дни. Открылась блестящая страница в истории абхазского народа — великая сталинская эпоха, эпоха исключительно одухотворенная, творчески активная, величественная и яркая.

Подлинный расцвет стал возможен только в условиях советского строя.

Пышно расцветает в нашей стране национальная литература.

Выросли свои писатели и поэты и у абхазского народа. До революции был только один абхазский писатель — Д. Гулия. Но он не мог в то время полностью развернуть свои творческие силы.

Теперь же в Абхазии есть Союз советских писателей, объединяющий писателей, поэтов и драматургов разных национальностей.

Абхазская литература растет под благотворным влиянием великой русской литературы, а также древней и богатой грузинской литературы. Теперь литература Абхазии, как родная сестра, вошла в литературную семью народов.

Иуа Когония является одним из выдающихся абхазских поэтов вступившим в литературу в первые годы после

установления советской власти. В течение каких-нибудь пяти лет творческой работы, он создал цикл поэм, которые популярны в народе.

Произведения Когония более зрелого периода, к сожалению, утеряны, и мы, несомненно, лишились значительной литературной ценности. Правда, и то немногое, что мы получили от него,— плоды раннего творчества поэта — представляет собой ценный вклад в абхазскую художественную литературу.

В своей работе поэт опирался на традицию устной народной поэзии, откуда и черпал благодарный материал.

Произведения Д. Гулия, народного поэта Абхазии, несомненно оказали большое влияние на творческую манеру молодого поэта, но нисколько не затушевали его самобытное, индивидуальное поэтическое лицо.

Поэмы Когония, изданные впервые в 1925 году, принадлежат к жанру эпической и лироэпической поэзии. Почти все сюжеты поэм представляют собою обработанные фольклорные материалы, но обработанные своеобразно.

Многообразна и богата внутренняя организация стихотворного ритма молодого одаренного поэта. Она напевна, пронизана чарующей красотой мелодии народной песни.

„Абатаа Беслан“, „Зосхан Ачба и сыновья Жанаа“, „Как Маршани разорили самих себя“, „Навей и Мзауч“, „Хмыдж-охотник“, „Сван-Мырзакан“ — наиболее сильные произведения поэта, и они прочно вошли в нашу литературу.

Из народного эпоса поэт брал мотивы, рисующие здоровое и творческое в жизни народа.

Народный оптимизм, победа народного героя над его многочисленными врагами, торжество честного и благородного над бесчестным и злым — эти извечные мотивы народного эпоса создают пафос его поэзии.

В поэмах автор показывает беззаветную отвагу народных героев так, как она рисуется в эпосе („Абатаа Беслан“), честную и глубокую дружбу, карающую черную измену („Навей и Мзауч“), отошедшее в вечность рабство („Зосхан Ачба и сыновья Жанаа“) и т. д.

Поэмам Когония чужда псевдонародность, в них нет ни тени фальсификации народного творчества. Вот почему его произведения являются весьма полезным материалом для литературного образования нашей молодежи.

Заслуживает внимания поэма „Хмыдж-охотник“, в которой автор, своим оригинальным мастерством, достигает значительных эффектов. Хмыдж охотится в горах. Скалы,

БИБЛИОТЕКА АБХАЗСКОГО ИНСТИТУТА

обрывы, синие дали, а внизу расстилается озерная гладь. Все эти красочные картины автор нарисовал превосходно *).

ივგზცია იმან ხრაკ დნაჭთალთეიტ
ხმგჭ-შიარგცაკ ნგყუაკგ,
დაარა ბზია ირგღუღუა დდიგქულთეიტ
ახრა-ჭთყჲარა დაზცარცგ.
ფხნგ მშთგნ, ამრა ბზიან,
ფსთჰიაკ უბომგზტ ხარანტიგ,
რკაშთ შთგბჟგმზარ შთგბჟგ ყამგზტ,
აყუაფა-ჭთაფა ზეგჲ ძგრკუან.
მკა ბზიამგზტ, დგჲგლ ეიკგციგნ,
ხაჰიი-მაქეი რაციაძან,
ხრა ბაშთამგზტ, წლაკ უბომგზტ
ჰაფი-ჰაკალთეი იხთიაძან.
უა ხრა მაჭგმ, ზეგჲ ზაჭთალომ,
ბნატი შიარახგჲგ რაციაძოუპ;
ჩთგლა გუჟლა უაკ დგზხალომ,
ხრა თაკნაჰაუპ, ეგჲხაჰიროუპ.

В небольших произведениях Когония показал себя как мастер пейзажной лирики („Весенний вечер“, „Ясная ночь“, „Зима“ и др.).

Язык поэта — ясный и образный — близок к народной разговорной речи. Поэтому в его поэмах встречаются немало слов и выражений, заимствованных из народной лексики. Но Когония пользуется последней весьма умело, отнюдь не в ущерб поэтической цельности своих произведений. Напротив, близость поэта к языку народа делает его произведения доступными для самых широких масс.

По творчеству Когония мы можем судить, каким незаменимым материалом для писателя является фольклор. Об огромном значении устного народного творчества в формировании и развитии художественной литературы не раз напоминал наш великий писатель А. М. Горький, в частности и в письме к абхазским писателям **).

Неумолимая рука смерти безвременно оборвала поэтическую работу Когония в 1928 году. Он умер молодым (25 лет от роду), полный творческих сил.

В 1924 г. М. Хашба выпустил комедию „Коротание ночи“. Это была первая абхазская оригинальная комедия,

*) Некоторые выдержки, за неимением их перевода, мы вынуждены приводить в оригинале. Мы не имеем еще художественно-полноценных переводов с абхазского. Переводы Брика, которыми мы пользуемся и здесь, являются блестящим исключением.

**) См. приложение („Горький в Абхазии“).

которая ставилась не раз на сцене. Автор умело использовал народный юмор. В 1929 году вышел сборник юмористических рассказов Хашба („Алло“). В нем есть ряд удачных новелл, где автор обнаруживает знание абхазского быта и народного языка. Он осмеивает вредные обычаи и нравы, которые сохранились еще в быту. В некоторых новеллах он достигает этой цели, как например, в юмористических рассказах: „Ацуныхва не годится, говорил я, но...“, „Алло“, „Хай дад, писарь, расскажи, что за кампания“. Хашба перевел на абх. язык „Хаджи Мурата“ Л. Толстого.

Дзадз Дарсалия — драматург и переводчик. Драмы „В глухой старине“, „Икона и беспокойство“ (1929 г.) безусловно внесли свежую струю в абхазскую драматургию, обнаружив дальнейший рост ее. Автору удался ряд типичных персонажей (князь, слуга, Мизан, его сестра), язык которых четко индивидуализирован.

Автор пользуется удачно живой народной речью. Драма „В глухой старине“ популярна на абхазской театральной сцене. Д. Дарсалия—переводчик „Капитанской дочки“ Пушкина. Надо отметить, что М. Хашба и Д. Дарсалия, выступившие сперва так удачно на литературном поприще, в дальнейшем значительно ослабили свою творческую деятельность.

До 1928 года мы не имели литературной организации. В 1928 г. образовалась ассоциация пролетарских писателей Абхазии. В этом же году стал выходить просуществовавший 2 года литературно-художественный орган „Созвездие“, где печатала свои произведения, главным образом, литературная молодежь.

Абхазская ассоциация пролетарских писателей (АБАПП) тормозила литературное движение и уводила писателей на ложный путь в их творческой работе. Поэтому, в частности, на протяжении ряда лет игнорировалось творчество писателя Д. Гулия. Историческое постановление ЦК ВКП(б) „О перестройке литературных организаций“ (1932 г.) дало новый толчок литературному движению в нашей стране. С этого времени выросла целая плеяда писателей и поэтов.

III.

На новом этапе произведения Д. Гулия стали еще более идейно-насыщенными. Художественный темперамент и пафос поэта возросли. В своих вдохновенных стихах он воспевает нашу радостную и цветущую жизнь, бичует с негодованием наших классовых врагов. Стихи его поются

в колхозах, изучаются в школах. В произведениях Гулия захватывает вера писателя в разум, беспредельная любовь к родной стране, знание жизни абхазского народа, а также живой образный язык.

В 1933 году были изданы „Абхазские частушки" нашего поэта. Этот жанр известен в устном творчестве под названием ახაძგრეობა. Исходя из этой поэтической формы, Д. Гулия создал современные абхазские литературные частушки.

Творчески и музыкально одаренный абхазский народ с радостью и гордостью воспевает свое счастье. В своих песнях и стихах он воздает хвалу тому, кто открыл уста для веселой песни и жизнь озарил лучами немеркнущего солнца, кто построил, выражаясь мудрыми словами Сулеймана Стальского, „солнечный дворец трудящихся". Это — великий Сталин.

Эти чувства старейший писатель Абхазии выразил в своих лучших стихах, посвященных родному и любимому Сталину. Они написаны живою страстью, как неотъемлемая часть поэтической души.

Кто же дал нам эту жизнь и радость?
Это ты, великий вождь народа!
Ты, потомок богатырей нартов *),
Что сбивали звезды с небосвода.

(„Сталину", 1936 г.)

Горы солнечным искрятся светом,
Выше гор идут облака.
Как прозрачен час рассвета,
Как спокоен дня закат.

С каждым годом колхозы богаче,
Сколько счастья ты дал стране!
Лучший конь тебе назначен
В лучшем нашем табуне.

Гром войны загремит над страною,
И сверкнет огонь грозовой,
Встанет край стеной стальною
Долг исполнить свой.

Здравствуй, Сталин, на долгие годы,
Жизнь большая в сердце твоем.
Радуй землю и народы
Звезд сияньем над Кремлем.

(„Песнь о вожде", 1929 г.)

*) Любимые герои и благородные рыцари абхазского народного эпоса.

Из новых произведений Гулия следует отметить его оригинальное стихотворение, где автор сравнивает появление утренней звезды и работу колхозников. Оно символично по своему художественному приему, но в основе лежит жизненная реальность.

„Где ты была, молодая звезда,
Что пред зарею сияешь всегда
И небосвод освещаешь ночной.
Словно смыта прозрачной росой
Или, явившись в предутренний час,
Опередить ты пытаешься нас?
С нами тягаться? Но в этой борьбе
Знай: суждено пораженье тебе!
Землю с небесных высот осмотри:
Вышли мы в поле еще до зари".

Слыша ту речь, онемела звезда
И покраснела она от стыда.
„Соревноваться мне с вами невмочь,
Ваша работа идет день и ночь.
Полюбоваться хочу я на вас
И посветить вам в предутренний час!"

(Пер. с абх. Б. Брик.)

Д. Гулия не менее известен и своими прозаическими произведениями. Ранний рассказ „Под чужим небом" написан в 1918 г. Самым значительным из прозаических произведений надо считать еще незаконченный роман „Камачич". Здесь, по замыслу автора, должна развернуться история абхазской женщины, которая через страдания и неимоверные лишения, наконец, в нашем обществе обретает настоящую жизнь. Пока написаны лишь главы, рисующие детство и юность Камачич, которая протекает в дореволюционной Абхазии. Действие романа развернуто на большом социальном полотне. Здесь мы увидим жизнь различных социальных слоев. Разные обычаи и важные события в бытовом укладе абхазского народа в романе отражены очень ярко *).

*) Приведу отзыв из журнала „Литературный критик" № 11 1938 г. об отрывках этого романа. Там сказано, что Д. Гулия „предпочитает неторопливую, плавную манеру изложения. Описания его ярки и подробны". Он умеет рассказать о двух домах, из которых „один, кажется, покоится будто не на земле, а на цветах, а другой совсем, как собака... уперся вперед ногами и прижался к скату". Князь Гид и знахарка Селма запоминаются лучше отца и матери героини. Так что иногда эпизодические фигуры приобретают свою художественную выразительность наравне с главными.

Болезнь, видимо, привлечена из любви к живописному, характерному, к своеобразному этнографическому реализму. В духе такого реализма написаны сцены заклинаний, изгнание русалки и т. д.".

Дмитрий Гулия часто обращался к живым истокам устного творчества абхазцев, а также опирался на богатейшее классическое наследие грузинской литературы. Он учился у грузинских поэтов и писателей, он переводил произведения Ак. Церетели, И. Чавчавадзе, Чонкадзе, Шаншиашвили, Давиташвили и др. Его переводы таких произведений, как „Сурамская крепость" Чонкадзе, „Воспитатель" Церетели, поэма „Витязь в тигровой шкуре" Шота Руставели, а также многих лирических стихов, прочно вошли в золотой фонд абхазской литературы.

Творчество Д. Гулия, исключительное по многообразию представленных в нем жанров, давно требует специального изучения.

То немногое, что написано литературной критикой о творчестве первого абхазского писателя, касается лишь биографии автора, но не дает анализа стилистических особенностей его произведений. Поэтому, нам кажется, литературная критика должна в первую очередь поработать в этом направлении.

Поэт всегда был тесно связан с народом и его творчеством. Еще в молодости он стал собирать и изучать абхазский фольклор. Собирал он все: легенды, сказки, пословицы, причитания, а также записывал народные обычаи.

Только с Гулия начинается планомерная и научная разработка абхазского фольклора. В 1907 году в Тбилиси вышел сборник „Абхазских пословиц, скороговорок и загадок", составленный Д. Гулия. Этот сборник со значительным дополнением был переиздан в 1919 году. До революции он поместил ряд абхазских сказок в „Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа". Вслед за этим появился ряд работ, имевших близость к народному творчеству, как например: „Абхазский календарь" (1920 г.), „Божество охоты и охотничьий язык у абхазов" (1926 г.), „Культ козла у абхазов" (1923 г.) и др.

Все эти материалы представляют значительную ценность в руках исследователя, изучающего жизнь народа и его творчество.

Очевидно, этой тесной связью с народной поэзией можно объяснить народность и простоту в его творчестве. Когда наш поэт приступил к своей творческой деятельности, у абхазцев не было никакой поэтической традиции, кроме устнонародной. Чтобы заложить основу абхазской художественной литературы, писатель стал искать новые поэтические формы. Глубокое знание народной поэзии помогло в выработке стихотворных форм. Именно в фольклоре поэт уловил природу стихосложения.

Д. Гулия в совершенстве изучил устные художественные сокровища и, опираясь на них, заложил основу

абхазской поэтики. Он использовал мелодию, ритмику народного стиха.

Часто можно встретить в его стихотворениях подражания мотиву народной песни („Шаратын" и т. п.). Видимо, этим и объясняется песенный характер его поэзии. И, неслучайно, что многие стихи Гулия превратились в народные песни и поются в деревнях под аккомпанемент ачангури. Отмечу любопытный факт. Многие собиратели абхазского фольклора нередко записывали у народных сказителей стихотворения Д Гулия, органически слившиеся с народным творчеством.

Кропотливая работа над устным народным творчеством позволила поэту найти свежий и богатый ритм.

Язык произведений Гулия близок к разговорной речи народа. Писатель отбирает из этого сокровища самое лучшее и ценное. Именно такой социально-ценный отбор из народных диалектов и народной лексики характерен в работе Д. Гулия над языком. Эта его работа над народным языком дана им в трех статьях: „Сборник омонимов, встречающихся в абхазском языке", „Сборник омографов, встречающихся в абхазском языке", „Палиндромы".

Рассмотрим некоторые примеры, указывающие на влияние размера народного стиха на поэзию нашего писателя. Например, в устной поэзии:

აბ ხუჭგ ტოგვა დუ
აბნახდ იაგვეიტ აბგა დუ

В стихотворении „Ходжанду":

სგუ დახუაძეიტ ხოჯან დუ
ინხარა იმაზარა იკნრა დუ

В самых незначительных по своему размеру, но богатых своим звучанием пословицах, загадках, скороговорках, можно найти аналогичное (по форме) частушкам Гулия.

Например:

ამპგრ, ამპგრ შაპგ ზწოუ
ადგლაჯა ტოგვა ზხოუ.

უასარადა გუშაძა
სახთან ეიმააკ უშაწა.

Многие песни, стихи и частушки Д. Гулия своим источником имели именно эти виды народной поэзии. Кропотливая работа над ними вскрывала новые и новые возможности

Коснемся вопроса о звучании. Для поэта звук всегда должен быть на учете. Особый колорит абхазской речи придает обилие звука „а" (гармония гласных) и вообще

богатство абхазского языка в фонетическом отношении. Эта особенность языка продуктивно используется Д. Гулия.

Д. Гулия чрезвычайно разносторонен: он не только поэт, он также лингвист, специалист по узучению устного народного творчества и историк. Он сделал ценные вклады в изучение абхазской культуры.

У нас еще не изучена природа абхазского стихосложения, не выявлены соизмеримые речевые единицы стихотворного ритма. С точки зрения повышения качества самой абхазской литературы следует поставить вопрос о составлении хотя бы описания абхазской народной поэтики. Много может помочь в этом деле запись музыкальных текстов, а также слушание исполнителей фольклорных произведений. Я думаю, что если будет создана теория абхазской поэзии, дело переводов облегчится в значительной мере.

IV.

Наряду с писателями старшего поколения, абхазскую литературу в настоящее время представляют писатели младшего поколения, которые выросли вместе с абхазской литературой.

Литературная молодежь составляет ведущую силу абхазской литературы. Л. Квициния, И. Папаскири, Г. Гулия, Б. Шинкуба, К. Агумаа, С. Кучберия и др. — вот имена молодых авторов, вступивших на литературную дорогу.

Леварса Квициния—один из значительных абхазских поэтов, начал печататься в 1928 г. Главные произведения Квициния: „Поэмы“ (1931 г.), „Страна растет“ (1932 г.), поэма „Шаризан“ (1933 г.), сборник стихов „Новое время“ (1934 г.), поэма „Даур-Лагинба“ (1936 г.). Новые стихи поэта печатались в литературно-художественном журнале Союза советских писателей Абхазии „Апсны Капш“.

На первых порах творчество Квициния развивалось под влиянием русских поэтов „Кузницы“. Отсюда некоторая абстрактность темы, отсутствие конкретного анализа явлений действительности („Поэмы“, „Страна растет“). Человек изображался без учета сложных индивидуальных и типических обстоятельств. У поэта не было развито еще чувство действительности. Стих был гиперболизированным. Например:

И скалы разрушим
И море высушим до дна.
Куда мы ступаем,
С наших ног искры огня выступают,
Издавая острый звук молнии.

Этот период остался позади. Уже в поэме „Шаризан“ и сборнике „Новое время“ Квициния расширил свой кругозор поэта, художника. Он стал более детально изучать жизнь. Заслуживают внимания его поэмы „Шаризан“ и „Даур“. Их общая тема—перевоспитание человека в наших условиях. Автор создает ряд психологически напряженных сцен, где старое борется с настоящим. Новая жизнь побеждает старые предрассудки. Перековка человека в наших условиях — самое ценное в поэмах. Вот Даур. Он сын бедного крестьянина, пастух. Однажды он в ярости убивает своего соседа, поспорив на меже. Даур попадает на строительство канала Беломорстроя. Труд переделывает его. Он становится ударником. Возвращается домой, где, за время его отсутствия, соседи его зажили колхозной жизнью. Кровник его стал уже членом партии, встречает Даура по-товарищески. Автор не упрощает сложного процесса, происходящего в сознании героев. Подбором индивидуальных деталей он добивается убедительности поэтического образа.

Творчество Квициния посвящено преимущественно показу советской молодежи, он воспевает ее отвагу, жизненный оптимизм (баллада „Акомчар“, „Песнь о родине“, „Сокол“, „Герой Озбек“, „Песня о Хабидже“ и др.).

В стихотворении „Сокол“ автор прославляет образ первой летчицы-абхазки, которая не знает страха в воздушной стихии. Этих смелых людей воспитал

„Тот, кто прозорливо видит все дали,
Кто родился человеком из стали,
Тот, кто о будущем мыслит, бессонный,
И вдохновляет к победе миллионы“.

Город-символ и домик, где родился наш великий вождь, поэт описывает в стихотворении „Гори“:

Виден вдали покосившийся дом
С рядом скрипучих и ветхих ступеней,
Люди глядят в удивлении немом
На очевидца чудесных мгновений.
Все, чем великий прославился вождь,
Ум, человечность, сердечность и мощь,
Здесь для грядущих цвело поколений.
Славят народы его без конца,
Так ледяные потряс он вершины.
Птицы проснулись, воскресли сердца,
И распрямились усталые спины.
Вот почему, продолжая свой труд,
Люди о городе этом поют
И прославляют тот домик старинный.

(Пер. с абх. Б. Брик.)

Самым вдохновенным является стихотворение „Мой Сталин". В каждом движении жизни, расцветающей в нашей стране, поэт остро и непосредственно чувствует присутствие вождя:

В Киеве, в Минске нам сиял
Взор его, мудрых полн раздумий,
Средь табака, средь плантаций чая
Он и в моем живет Сухуми.

Шум, что несут самолеты-птицы,
И пароход, что спорит с волнами,
Неодолимые наши границы —
Это и есть он, товарищ Сталин.

Сталин — что солнце в небе ясном,
Труд наш упорный и дыханье,
Новая мудрость страны прекрасной,
Льющая всюду свое сиянье.

Следует отметить и некоторые важные недостатки в творчестве Квициния. В его поэмах бросается в глаза чрезмерная растянутость изложения, увлечение мелочами быта и натуралистическими описаниями, замедляющими действие (см. начала поэм „Даур" и „Шаризан".)

Необходимо сделать небольшое замечание и о стихотворных размерах, которыми пользуется Л. Квициния. У него сделана попытка распространить на абхазскую поэзию классические (двухсложные и трехсложные) размеры, которые установились в русской поэзии со времени Пушкина и Лермонтова. Нам кажется, что такая крайность может явиться не чем иным, как стремлением поставить наше стихосложение в определенные, мы сказали бы, искусственные нормативные границы.

„Ритмическое ударение не есть посторонний языку элемент, введенный в него искусственно, а вытекает из физических свойств языка" (Корш, „О русском народном стихосложении").

Именно надо учитывать законы языка и народной поэзии, чтобы определить природу стихотворного ритма. Если, например, мы возьмем стихотворения Д. Гулия, И. Когония, Б. Шинкуба, то увидим, что там нет закономерного чередования ударных и безударных слогов, но, однако, в них стих достаточно организован.

Наши наблюдения над стихотворным ритмом в абхазском стихе не дают основания говорить, чтобы чередование ударных и безударных слогов можно было считать структурной соизмеримой речевой единицей стихотворного ритма *).

*) В этом вопросе наша мысль совпадает с наблюдениями поэта Шинкуба Б., который специально изучает явления стихотворного ритма в абхазском стихе.

И у Квициния Л., казалось бы, пишущего свои стихи двухсложными (ямб, хорей) и трехсложными (амфибрахий, дактиль, анапест) размерами, нельзя сказать, чтобы они достаточно оправдались в творческой практике. Но вопрос о ритме выходит за рамки настоящей работы, и он недостаточно изучен.

Баграт Шинкуба, несомненно, один из даровитых абхазских лириков. Кроме одного небольшого сборника („Первые песни"), напечатанных произведений у него сравнительно немного, но они отличаются свежестью и поэтической зрелостью. Стихотворения Шинкуба обладают богатством лирического восприятия и разнообразием поэтических форм.

В стихотворении „Поэтам" он пишет:

Не каждая звезда равна другой по свету,
Не одинаково цветы благоухают,
И, если слово не согрето сердцем,
Недолговечной будет песнь поэта.
Лишь ветром взбудораженное море
Волной кипучей спорит с берегами,
Тот не поэт, кто холодно спокоен,
Как сон ребенка, он исчезнет вскоре.

Он описывает героизм нашей молодежи („Героизм", „Письмо сына", „Абхазская девушка"), нашу цветущую республику („Наша сила", „К Грузии", „4 Марта"), счастливую жизнь наших детей („Колыбельная песня").

Произведения Шинкуба захватывают своим пафосом, волнуют своей лирикой. Размышления автора обнаруживают богатство внутреннего содержания: они обобщающи. Нас может волновать не всякое переживание поэта, а только такое, которое обобщает наши чувства и стремления. Богатство внутреннего содержания произведений поэта есть результат изучения и обобщения явлений социальной жизни.

„Поэтическая идея—это не силлогизм,—писал В. Белинский, — не догмат, не правило, — это живая страсть, это пафос".

Пейзажные зарисовки, картины природы на фоне трудовой жизни, удачно сочетаются в стихах Шинкуба. В зависимости от содержания, он находит новые возможности словесного изображения. Богат и глубоко своеобразен его ритм, он новатор в области абхазского стихосложения.

Например, ритм в балладе „Папанцкур" своеобразно передает тишину озера:

იცოქურფომ ითატოუპ იმშჲგნხა
აჩჲგშთგხ გზანწგ ეილაშჲუამ,
ამაცოგს ნხგჭჭალოიტ ეიშგლხა
აქუაცოგჲა ანლჲეიუა იხუაშუამ.

В стихотворении „Сад“ он рисует душистые колхозные сады на фоне богатой абхазской природы:

И листья падают, и к югу
Уж потянули журавли
И, подавая весть друг другу,
Перекликаются вдали.

Плоды тяжелые откинув,
На взгорьи яблони стоят,
И сотни желтых мандаринов
Под солнцем осени блестят.

И за изогнутым гранатом,
К земле пригнувши тонкий стан,
В лицо мне дышат ароматом
И акачич, и ахардан *).

Как здесь отрадно вечерами,
Когда нальется виноград
И ветви, полные плодами,
К земле склоняет темный сад.

(Пер. с абх. Б. Брик.)

Поэзия Шинкуба характеризуется исканием новых поэтических форм и народностью в смысле простоты и лирической насыщенности. Плодотворно использует автор сокровища устной народной поэзии. Поэзия Шинкуба индивидуальна и является плодом вдумчивой работы над стихом („Шарда-Аамта“, „Папанцкур“, „Помнишь, входили мы в сад“, баллада „Всадник“ и др.).

Шинкуба — переводчик стихотворений И. Чавчавадзе („Базалетское озеро“ и др.), А. Церетели („Сулико“, „Весна“ и др.), но особенно стихотворений Лермонтова.

Агумаа Кьязым—автор ряда популярных стихов („Комсомольская песнь“, „Молодежь“, „Был неотступен и спокоен“, „Колхида“), рассказа „Братья“ и др. Творческая поездка в цветущую Колхиду значительно обогатила его художественный горизонт. Агумаа написал ряд очерков и стихов о Колхиде и ее людях. Но стихи о молодежи, о их героизме и доблести преобладают в его творчестве. Они жизнерадостны и социально насыщены. Некоторые посвящены боевой тематике. Например:

Был неотступен и спокоен
Под перекрестною пальбой
Отважный большевистский воин,
Со взором ясным шел он в бой.

*) Сорта абхазского винограда.

И вместе с верными друзьями,
Окапываясь второпях,
Он был прекрасен, словно пламя,
Которому неведом страх.

Сжимал он крепкою рукою
Ружье, согретое стрельбой,
И не мечтал в разгаре боя
О возвращении домой.

В последних произведенях Агумаа достигает значительных успехов, особенно в цикле лирических стихов („Я люблю Квикви“, „В саду“), в ряде которых он воспевает девушку, ставшую летчицей:

Я вновь в саду, тревожим песней...
Куда ни глянешь — благодать,
Здесь нежен ветер, и прелестней
Вам в мире сада не видать.

Я слышу сучьев тихий шорох,
Как бы беседу о любви,
И листьев шопоты, в которых
Стихи предвижу я свои.

Я помню: птицы пели хором,
Сидел я, преданный мечте,
И Квикви образ перед взором
Мелькал в вечерней темноте.

Чуть слышным шелестом о Квикви
Напоминая мне опять,
К моим ладоням ветви никли,
Как бы желая их пожать.

Иль думали питомцы сада,
Что я грущу наедине?
Но ведь она, моя отрада,
Всегда со мной, всегда во мне!

Ведь окрыленная машина
И смех пилотки молодой
Чудесней сказок Шарадына *)
И грез о царстве под водой.

Я вновь в саду, тревожим песней...
Куда ни глянешь — благодать,
И ни душистей, ни прилестней
Вам в мире сада не видать!

*) Народная молва приписывает легендарному автору ряд шуточных, остроумных рассказов, бытующих и ныне.

В настоящее время работает над романом „Селым", отрывки которого напечатаны в „Литературном журнале" Союза писателей Абхазии.

Агумаа перевел на абхазский язык ряд стихотворений Шевченко. Он же — один из переводчиков армянского эпоса „Давид Сасунский".

И. Папаскири — автор повести „Темыр" (1937 г.) и нескольких новелл („Караульское ружье", „Теленок"). Повесть „Темыр" — ценный вклад в абхазскую литературу последних лет.

События, охватывающие период примерно от 1925 по 1935 год, развертываются главным образом в одной из абхазских деревень. Главный герой произведения, сын бедного крестьянина Темыр, влюбляется в дочь соседнего крестьянина Зину. Зина, узнав об этом, отвечает взаимностью, но Темыр, согласно обычаю, не может жениться на ней, пока не отомстит за своего убитого брата. Месть непроходимой пропастью легла на пути к счастью Темыра. Жалость к брату и любовь к девушке еще больше усилили его терзания. Он еще во власти старых предрассудков, которые порождают всевозможные мрачные мысли в его голове. Он уходит от людей и замыкается в себя, но благодаря своему другу, секретарю партячейки Михи, Темыр постепенно вовлекается в общественную жизнь села: сначала он работает продавцом кооператива, а впоследствии его, как хорошего работника, выдвигают председателем сельсовета. В это время начинается стремительный рост колхозного движения в абхазской деревне. Наблюдая жизнь и непосредственно участвуя в борьбе с кулачеством, Темыр, незаметно для себя, начинает перерождаться. У него уже складывается иное отношение к мести, хотя мысль о ней и не совсем еще вышла из его головы. Зина вместе с отцом вступила в колхоз и сделалась общественницей, активисткой в селе. Кулацкий сын Мыкыч с гнусной целью преследует ее на каждом шагу. Он завидует любви Темыра и Зины и, стараясь разжечь между ними вражду, передает Темыру тайну о том, что отец Зины — Ахмат — убийца брата Темыра.

Это было самым тяжелым ударом для Темыра, тем более, что в справедливости слов Мыкыча ему пришлось убедиться. Горе и печаль, соединенные с сожалением уничтожить врага, горячим пламенем снова охватывают его. В Темыре борются две силы: любовь к Зине и возникшая вражда между ними. Под влиянием окружающей среды, Темыр сумел сдержать себя, но взаимоотношения с Зиной все же заметно охладились. Зина страдает больше, т. к. ей неизвестны причины, изменившие характер Темыра. Скоро Темыра в числе лучших работников Райком направляет на учебу в Москву. За это время Зина вступила в комсомол и стала передовой колхозницей. Темыр через несколько лет вернулся из Москвы совершенно очищенный от ржавчины предрассудков и вскоре, объяснившись по всем, женится на Зине.

Наряду с новизной тематики, положительным в повести следует отметить умелое построение сюжета, живость действия, четкость образов. Перед нами проходит ряд типов в различных ситуациях. Умело рисует автор деревенских паразитов: тавада (Мырзакан), скупщика табаков (Мамет), кулака (Мыкыч). На фоне этого он дает картину чистой, бескорыстной любви Темыра и Зины, которые на своем пути встречают ряд препятствий. Главный герой — Темыр, сын бедного крестьянина, активно борющийся с деревенскими эксплоататорами. Автор, знакомя нас с детством Темыра, изображает тяжелую долю крестьян. „Не родился еще человек несчастливее меня", — сказал Пахвала, не найдя своих единственных быков, украденных по приказу одного князя, и в этих словах, сказанных с примесью горьких слез старика, выражена вся тяжесть крестьянской жизни в дореволюционное время. В повести имеется ряд вставных новелл, отступлений, но они лишь иллюстрируют, дополняют характер героя. Повесть оригинальна и со стороны языка. Автор с большим мастерством пользуется особенностями и богатством народной речи, включая и диалекты.

Новелла „Караульское ружье" посвящена дореволюционной абхазской деревне. Автор создает образ хищника-кулака (Хабиджа). Для новелл Папаскири характерны динамичность и напряженность и довольно сложная композиция.

Писатель Г. Гулия работает главным образом в жанре новеллы.

В 1933 г. появилась повесть „Месть", в которой писатель проявил себя более наблюдательным, что позволило ему значительно расширить свои художественные возможности.

Повесть Г. Гулия знакомит читателя с социально-бытовым укладом дореволюционной Абхазии. Она трактует жизнь, большей частью, со стороны нравоописательной. Именно через нее, автор в значительной мере обобщает явления действительности.

Главная сюжетная магистраль — Шуг и Нахарбей. Шуг — честный труженник, но ему нет житья от князя Нахарбея.

У Шуга пропала лошадь, она у князя, но хитрый и коварный князь не выпускал добычу из своих лап без выкупа. Бедному Шугу оставалось одно — породниться с

князем, то-есть устроить ахупхара (усыновление): взять в воспитанники князя. Этот древний обычай был орудием эксплоатации в руках дворян и князяй. Тогда, наконец, „напласъ“ лошадь. А потом пошли бесконечные подарки, подношения князю в знак благодарности. Но однажды Шуг одалживает Нахарбею лошадь; тот не возвращает ее. „И первый клин в дружбу забит“. Далее, Шуг не поздравил князя с замужеством сестры. За все это он поплатился буйволами. Не стерпел Шуг. Он отрастил волосы в знак мести и траура по князю. Дворянин Гуд, по наущению Нахарбея, заманивает к себе Шуга и убивает его.

В повести ряд интересных вставных эпизодов (приезд следователя, сожжение старухи). Этот иллюстративный материал приобретает и самостоятельную художественную ценность.

Сожжение на костре старухи, якобы владевшей нечистой силой и тайнами колдовства, является небольшой мрачной картинкой на фоне старой абхазской деревни.

Бедную старуху—мельничиху обвинили во всем — и в болезнях ее сына и в несчастьях ее соседей. И вот было решено наказать „колдунью“. От кузнеца принесли клещи, так как...

„... для изгнания беса нужно заставить преступницу показать хвост, полхвоста, кончик. А клещи, достаточно подогретые на огне, вырвут с корнем, уничтожат его. Лишенная такого важного придатка, старуха присмиреет. Такова непреклонная мысль, исцеляющая одержимых и воцаряющая первородный состав незапятнянной души: так преломлялась истина в зловонном воздухе спокойно отстаивающейся жизни“.

Повесть имеет и серьезные недостатки. Автор рисует все в мрачных красках и нигде не находит положительного героя. В повести встречаются нередко неудачные, искусственные сравнения и обороты, которые напоминают формалистические приемы.

Например: „Его нахмуренные брови — пара щеток для мытья бутылок, взъерошенные и жесткие. Под ними два гвоздя, два по-молодому — прочно забитых гвоздя — два глаза“.

В 1937 году вышел второй сборник рассказов Г. Гулия („Рассказы у костра“). „Мустаф Чолокуа“, „Русалка“, „Отцы“ — зрелые произведения. Автор показал себя мастером короткого, но динамического рассказа. Последний рассказ Г. Гулия „Встреча“ отражает осуществление творческой мечты профессора колхозниками. Рассказ был напечатан в альманахе „Дружба народов“.

Плодотворно работает драматург Михаил Лакербай. Он является автором популярных пьес („Потомок Гечей“,

Натола“) и либретто для опер („Хаджарат“, „Счастье“, „Изгнанники“). С большим успехом прошла пьеса „Потомок Гечей“ в Абхазском государственном театре.

Пьеса „Потомок Гечей“ показывает современную абхазскую деревню.

Жизнь колхозников, новое отношение к труду, новые люди и новые взаимоотношения между людьми в нашем социалистическом обществе — вот основная тема пьесы. Сюжет строится на материале цветоводческого колхоза, одного из передовых и зажиточных колхозов солнечной Абхазии. Цветы не только фон, они органически введены в сюжетную ткань. „Потомок Гечей“ строится на напряженном комедийном сюжете, в основном, по следующим сюжетным линиям.

Первая: Молодые люди — Шазина и Адамур впервые встречаются на теплоходе, идущем из России в Грузию, нравятся друг другу, любят.

Председатель колхоза, молодой Адамур, поглощен судьбой выращиваемого им в колхозе гибрида высококачественной герани под условным названием „Девушка в зеленом“.

Над его проблемой работает советская научно-исследовательская мысль. Над ней работает и колхоз, поставивший у себя опыт этого гибрида герани.

Шазина, химичка, приехавшая из Москвы после курсов на практику и попадающая в тот же самый колхоз, услышав о существовании какой-то „Девушки в зеленом“, понимает это наименование буквально, не зная, что оно относится к цветку, а не к женщине. В результате — путаница, и ревнующая Шазина, а с ней вместе и Адамур — попадают в лабиринт комедийных положений.

Вторая линия: Научные опыты гибридизации герани не увенчались успехом. Исчерпаны все сведения, полученные из книг. Теория, не подкрепленная практикой, терпит поражение. Адамур решает прибегнуть к помощи опытника. Почтенный старый Хаджарат глубоко индивидуален, одинок. Всю свою долголетнюю жизнь он любовно отдал цветам, выращиваемым им на крохотном участке, далеко в горах, за орлиной скалой, над самым горным озером Рица. Цветы и его единственная дочь Шазина составляют весь смысл его жизни. Этот своеобразный мичуринец благодаря долголетней и кропотливой работе накопил богатый опыт и знания именно тех деталей, которые еще не зафиксированы в книгах и, которые, вместе с тем, необходимо знать для успешного решения важной проблемы гибрида цветка герани.

Адамуру и Шазине удается уговорить старика, и он спускается в долину посмотреть достижения цветоводче-

ского колхоза. Колхоз очаровывает его своими успехами. Он видит иное, совершенно иное отношение к труду и, в частности, к себе, к своим знаниям простого опытника. Отдает он все свои знания, опыт, всего себя колхозу. И когда успешные результаты его опытов становятся общим достоянием и страна отмечает это, для Хаджарата наступает самый счастливый момент в его жизни.

Но, передав колхозу все, чем располагал, что знал, старик в то же время получает от колхоза много материальных ценностей: колхоз обогащает его опыт, сталкивает с людьми социалистической эпохи, меняет его мировоззрение.

Третья линия: Махаз — мастер по качеству цветов.

Прекрасный работник и товарищ, веселый и жизнерадостный, не лишенный остроумия, Махаз имеет, однако, несчастье быть трусоватым. Это неприятное обстоятельство часто ставит его в смешное положение. Одно из таких положений возникает в результате его столкновения с Хаджаратом.

Махаз случайно узнает, что когда-то давно в молодости этот Хаджарат враждовал с его отцом из-за того, что последний похитил мать Махаза, бывшую тогда любимой невестой Хаджарата. В силу своего трусливого характера начинает размышлять так: „обида, конечно, серьезная, вот если бы, к примеру, кто отнял у меня Шкуакву, я бы не забыл никогда о такой обиде... Старик все время жил в горах, в одиночестве, возможно, он все еще помнит о своей когда-то любимой невесте, о нанесенной обиде. Выходит, я дитя любви коварных изменников. А что, если старик решит выместить эту старую обиду на их сыне, на мне? Не вернуться ли обратно, так сказать от греха подальше? Но что тогда скажут в колхозе? Конечно, осмеют. А интересы колхоза? Ведь это важнее всего. Я просто скрою, чей я сын: у меня ведь на лбу не написано, чей я сын. Обман этот не велик и на него можно пойти, если он способствует достижению такой большой и интересной цели. А к обману прибегну, конечно, в крайнем случае, если придется“.

Однако сразу же пришлось Махазу прибегнуть к обману и скрыть от старика, что он — сын Хакуца Ашба. В результате ложного положения, в которое поставил себя он, назвав другую вымышленную фамилию — Геч, создаются острые комедийные ситуации. Выясняется, что Хаджарат давно забыл „об этой чепухе“ — истории с невестой. Веселый, находчивый и умеющий пошутить, старый Хаджарат разыгрывает чрезмерно трусливого Махаза.

Окружение нашей советской действительности помогает Махазу изжить свой позорный недостаток.

Интересные мысли роятся в голове умного и пылкого Адамура. Высушивая болота, выкорчевывая глухомань и насаждая цветы,—Адамур, в силу сложного ряда ассоциаций, понимает, что в сущности то же самое происходит и в сознании людей, в новом обществе: „Чорт возьми! Ведь люди тоже цветы. Надо уметь их выращивать!“

Завершение сюжетных линий в пьесе сводится не только к созданию новой герани-гибрида; разрешается коллизия любовной встречи Шазины и Адамура, удовлетворен старик Хаджарат — мастер цветов, получивший высокую награду, и весь колхозный коллектив, работающий вместе с ним.

Особняком стоит творчество Николая Кокоскери. Он обрабатывает сюжеты из устного народного творчества и нередко в своих новеллах тяготеет к народному анекдоту („Цица“, „Дзызлан“).

Н. Кокоскери написал рассказ, изображающий событие из дореволюционной жизни („Мать красного партизана“), напечатанный в альманахе „Дружба народов“.

Степан Кучберия—преимущественно новеллист („Бадз“, „Дети-герои“, „Первый раз в школе“, „Вновь рожденный“). В рассказе „Бадз“ Кучберия описывает период меньшевистского владычества в Абхазии. Автор воспроизводит картины зверства меньшевиков. Образы предателя Решида и меньшевистского офицера — запоминающиеся образы. Рассказ написан ярким художественным языком. Со стороны содержания он весьма актуален и единственный в своем роде. Писателю Кучберия особенно удаются изображения отдельных эпизодов и психологически напряженных сцен.

Необходимо сказать несколько слов о переводной литературе. Именно она обогащает и расширяет горизонт нашей литературы, знакомит с творческими успехами братских литератур, в первую очередь с русской и грузинской.

Из классиков грузинской литературы на абхазский язык переведены гениальная грузинская поэма „Витязь в тигровой шкуре“ Ш. Руставели, „Сурамская крепость“ Чонкадзе Д., избранные стихи Церетели и его поэма „Воспитатель“, избранные стихи Чавчавадзе и его поэма „Какоразбойник“, Ниношвили Э. „Рыцарь нашей отчизны“, Казбеги „Элисо“ и др.

Из талантливых переводчиков надо упомянуть Платона Шакрыл, М. Хашба, Д. Дарсалия, М Гочуа, В. Маан и др. П. Шакрыл перевел на абхазский язык „Ревизор“ и „Же-

нитьбу" — Гоголя, а в настоящее время переводит „Мертвые души".

Абхазский читатель знаком со „Словом о полку Игореве", с армянским эпосом „Давид Сасунский", с произведениями Л. Толстого, А. Пушкина, Т. Шевченко, Гоголя, Чехова, Тургенева, Лермонтова, К. Хетагурова, А. Фадеева и др. на своем родном языке. Это большая культурная победа, свидетельствующая о росте словесной культуры абхазского народа.

Среди начинающих писателей есть также не мало талантливой молодежи. Заслуживают внимания стихи Чичико Джопуа, Ш. Амкуаб, Рауфбея Джопуа, Алеши Джопуа, Чичерия Володи, Ачба К. и др. Некоторые из них, как например А. Джопуа, упорно работают над качеством своих стихов и повышают свою поэтическую культуру. Например, стихотворение А. Джопуа „Воспоминание" свидетельствует об успехах молодого поэта:

Помню, в детстве без заботы,
Я играл и пел с тобою,
И по кочкам ты болото
Перепрыгивал порою.

Шашку вырезал из вяза;
А конем служила палка!
Наши детские проказы,
Наши игры — вас мне жалко!

В бой вступая рукопашный
С одногодками когда-то,
Шашку выхватив, бесстрашный,
Ты кричал — огонь, ребята!

Щеголяя патронташем
Из арбуза в юном войске,
И отрядом шумным нашим
Ты командовал геройски.

Ты подрос, остепенился,
Позабыл наш круг веселый...
Вдруг — недавно возвратился
Выпускник военной школы.

Командир отважный, ловкий,
Ты с любовью встречен дома.
Служишь шашкой и винтовкой
Ты народу трудовому.

От врагов ты охраняешь
Край родимый, край советский
И с улыбкой вспоминаешь
Вечерами круг наш детский.

У нас имеется талантливая, способная литературная молодежь, которой нужна серьезная творческая помощь со стороны Союза писателей. К сожалению, еще не издан ни один сборник начинающих авторов, хотя в этом давно назрела потребность. Об этом говорят факты.

Серьезный творческий расцвет переживает и абхазский национальный театр.

„Первые попытки организации абхазского национального театра нужно отнести к началу 1917 года. Это было в гор. Очемчири. Педагог П. Шакрыл по своей инициативе организовал первый абхазский хоровой и драматический кружок. Репертуар молодого кружка состоял из народных песен, плясок. После Д. И. Гулия, который положил начало исследованию устного народного творчества абхазского народа, это был первый хоровой кружок, который начал собирать и обрабатывать абхазские народные песни и пляски" (газ. „Советская Абхазия" № 39, 1939 г.)

В 1919 году слушатели Сухумской учительской семинарии поставили две пьесы — „Несчастный день" и „Двое холодных", переведенные организатором труппы поэтом Д. И Гулия. Постановки были показаны в нескольких селах Кодорского района.

Затем, чтобы „хоть сколько-нибудь удовлетворить голод в репертуаре", Д. Гулия перевел еще две пьесы „Да здравствует свобода!" и „Я умер".

„Выбирая репертуар, — рассказывает Д. Гулия, — для абхазского крестьянина, никогда не видевшего своего театра, я не случайно остановился, главным образом, на небольших комедиях. Это был наиболее верный путь, и я, не задумываясь, направился по нему. Таким образом, на первых порах мы были обеспечены кое-каким материалом" (Альманах писателей Абхазии, кн. 4, 1938, стр. 183).

Встал вопрос о труппе. Активное участие в организации труппы принимал семинарист Антон Шакая. Труппа была составлена из слушателей старших классов Сухумского педагогического техникума и в июле 1921 года выехала в первые гастроли.

Было дано до 15 спектаклей по селам Очемчирского и Гудаутского районов. „Наши гастроли, — пишет руководитель и организатор труппы Д. И. Гулия, — все время пользовались у населения исключительным успехом. Для нас эта поездка, сопровождавшаяся определенными трудностями, превратилась в радостный праздник. Первых проводников абхазской сценической культуры народ встречал исключительно восторженно. А наши женщины-актрисы просто ошеломляли зрителей и пользовались заслуженным успехом" (там же, стр. 184). Труппа существовала до 1928 года, когда впервые был основан абхазский драмати-

ческий театр. С каждым годом рос интерес со стороны абхазской молодежи.

В 1930/31 году была основана абхазская драматическая студия. Руководил ею режиссер В. Домогаров и под его художественным руководством были поставлены на сцене две пьесы: „Ревизор“ Гоголя и „Доходное место“ А. Островского. Постановки эти показали рост актерского мастерства студийцев. Из студии вышли талантливые абхазские актеры: Агрба А., Агрба Р., Шакирбай Е., Чочуа Я., Касландзия Л., Пачалия Ш., Кобахия С. и др.

В 1935 году группа актерской молодежи из абхазской драмы была послана на учебу в ордена Ленина театр им. Руставели.

Под руководством лучших мастеров социалистического искусства, народных артистов СССР Хорава А. и Васадзе А. воспитаны талантливые кадры актеров-абхазцев. Дипломная постановка студийцев („Убедуреба“ Д. Клдиашвили — постановщик А. Васадзе), „Сганарель“ Мольера — постановщик Д. Алексидзе) в Тбилиси и Сухуми имела заслуженный успех.

„В целом выпускной спектакль абхазской студии оставил хорошее впечатление и еще раз показал, какую большую работу по воспитанию молодых театральных кадров ведет театр им. Руставели“ („Заря Востока“ от 10 апреля 1939 г.).

Студию окончили 21 человек. Этот выпуск несомненно влил новые творческие силы в абхазский театр.

Сколочен сильный, энергичный коллектив из числа способных актеров. Выдвинулись и кадры режиссеров-абхазцев, которые самостоятельно ставят пьесы, показывая незаурядные режиссерские способности (Азиз Агрба, Ш. Пачалия и Л. Касландзия).

В репертуар абхазской драмы вошли ответственные постановки: „Шамиль“, „Гибель эскадры“, „Семья Волковых“, „66-й год“, „В глухой старине“, „Мечта“. Теперь уже на подмостках абхазского театра идут „Разбойники“ Шиллера, „Поколение героев“ („Гмирта таоба“) С. Клдиашвили. Это, несомненно, значительная творческая победа абхазского театра. В своей дальнейшей деятельности он умножит достигнутые успехи.

За период 1937—1939 гг. были отмечены юбилеи А. Пушкина, Ш. Руставели, И. Чавчавадзе, „Слова о полку Игореве“, Коста Хетагурова, „Давида Сасунского“, народного поэта Абхазии Д. Гулия, певца-орденоносца Джамбула, великого украинского поэта Т. Шевченко. Эти юбилеи сыграли большую роль не только в деле ознакомления широких масс трудящихся с культурными ценностями народов СССР, но и способствовали творческому росту

наших писателей. Повысились требования к художественному переводу. Абхазская литература обогатилась новыми ценными переводами. Знакомство с художественными сокровищами было весьма плодотворно для наших писателей, оно обогатило и повысило их писательское мастерство. Наши писатели познакомились с новыми художественными формами. Народный поэт Абхазии Д. Гулия перевел на абхазский язык бессмертную поэму Руставели „Витязь в тигровой шкуре“. Это—работа значительного культурного значения. Абхазский народ в недалеком будущем будет читать гениальное произведение на родном языке.

Много вреда нанесли делу развития абхазской культуры презренные враги народа, троцкистско-бухаринские и буржуазно-националистические выродки. Но ставка врагов и здесь оказалась битой.

Разгромив врагов народа и очистив писательские ряды от вражеской агентуры, наша литература за короткий период, под руководством мудрой большевистской партии, сделала значительные успехи на своем пути.

Писательская организация стала монолитной и консолидированной.

Но наша литература имеет и серьезные недостатки.

Темы колхозного строительства, обороны нашей родины еще слабо разрабатываются нашими писателями. Наша красочная многообразная жизнь опережает литературу. Героическая советская действительность не находит пока должного полноценного художественного изображения в литературе.

„Основным героем художественных произведений должен стать человек сталинской эпохи, его творческая работа, его переживания, его новое отношение к окружающему, его горячее чувство патриотизма и беззаветная преданность делу партии Ленина—Сталина“ (Л. П. Берия, „Под великим знаменем Ленина—Сталина“. Статьи и речи 1939 г., стр. 209).

Сейчас абхазская литература переживает небывалый подъем. В издательстве Союза советских писателей Грузии „Федерация“ в 1938 г. вышел сборник произведений абхазских писателей на грузинском языке („Абхазетис Мцерлоба“). Грузинский читатель впервые познакомился с творчеством абхазских писателей и поэтов. В издательстве „Заря Востока“ вышел на русском языке сборник произведений абхазских писателей (1928 г.) *).

*) Суммируя свои мысли, рецензент писал в журнале „Литер. критик“ (№ 11, 1938 г.): „Судя по сборнику, такая лаконическая быстрота и склонность к эпосу отличает большинство писателей Абхазии, и в этом смысле они представляют положительный пример для многих наших писателей, пример, пользуясь выражением Гете, „объективных художников“.

В настоящее время в Москве издается антология абхазской поэзии.

Эта возросшая аудитория читателей обязывает наших писателей еще энергичнее работать над качеством своих произведений.

„Уважение к читателю, — писал М. Горький, — требуется от литературы так же, как от хлебопека: если хлебопек плохо перемешивает тесто, если из-под рук в тесте попадает грязь, сор, — значит хлебопек не думает о людях, которые будут есть хлеб, или же считает их ниже себя, или же он хулиган, который, полагая, что „человек не свинья, все съест", нарочно прибавляет в тесто грязь. В нашей стране наш читатель имеет особенное, глубоко обоснованное право на уважение, потому, что он исторический юноша, который только что вошел в жизнь, и книга для него не забава, а орудие расширения знаний о жизни, о людях".

Народ не хочет равнодушного искусства, произведений, являющихся только результатом уменья владеть литературным мастерством.

Мы никогда не должны забывать образа писателя Н. Островского. Он, будучи прикован к своей постели, был полон огромным оптимизмом, невыразимой любовью к жизни и, забывая о своей болезни, говорил: „Родина — это волнующее слово. Разве где-нибудь в другой стране, кроме нашей, можно услышать его так, как оно звучит в нашей стране, я сейчас работаю с такой радостью, как никогда в жизни, я полон оптимизмом". А в одной книге устами своего героя Корчагина говорит: „Самое дорогое у человека — это его жизнь. Она дается ему один раз, и прожить ее надо так, чтобы не было мучительно больно за бессмысленно прожитые годы, чтобы не жег позор за подленькое и мелочное прошлое и, чтобы, умирая, мог сказать: „вся жизнь и все мысли были отданы прекрасному в мире — борьбе за освобождение человечества. И надо спешить жить. Ведь нелепая болезнь или какая-либо трагическая случайность могут прервать ее".

Это—мораль писателя-большевика. Ему должен подражать каждый наш советский писатель.

Значительным минусом абхазской литературы является отставание литературной критики; как результат этого, до сих пор мы имеем большие недостатки в творчестве некоторых писателей. Мы должны уметь отличать фальшь от подлинного искусства. Для этого критике необходимо ставить вопрос о цельном художественном лице произведения.

„Пора, наконец, понять, — писал писатель Александр Фадеев, — что в художественном творчестве не звучат и не могут звучать правдиво даже самые, на первый взгляд, правильные политические высказывания, если они не находят соответствующего живого, образного, художественного воплощения". Мы должны применить цельный критерий художественности, не отрывающий идею от ее воплощения.

Пробелы, существующие в абхазской литературной критике, частично восполняют работы М. Делба, который написал ряд литературно-критических статей-исследований.

В интересах развития нашей литературной, творческой работы, нам необходимо еще шире развить литературную критику.

Художественнное творчество — почетное и благородное дело в нашей стране. „Писатели — инженеры человеческих душ". Эти мудрые слова товарища Сталина о роли писателя в обществе возлагают на наших писателей большую ответственность.

Здесь нельзя не привести слов великого русского критика В. Белинского, написанные почти сто лет тому назад:

„Завидуем внукам и правнукам нашим, которым суждено видеть Россию в 1940 году, стоящую во главе образованного мира, дающую законы и науке и искусству и принимающую благоговейную дань уважения от всего просвещенного человечества".

Пророческие слова Белинского сбылись. Под руководством большевистской партии Ленина—Сталина задолго до 1940 года наша великая родина, со всеми населяющими ее народами, стала во главе передового человечества и идет к прекрасным высотам культуры.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Горький в Абхазии.

„Превосходная должность —
быть на земле человеком".
(„Рождение человека".)

1892 год. На берегу шумного Кодора там, где эта река так многоводно впадает в море, сидел юноша под каштаном в ветхой одежде, с котелком. Дул прохладный морской ветер. Суровое, задумчивое лицо юноши выражало горечь перенесенных жизненных страданий, но в нем, в этой худощавой, сильной натуре таилась неисчерпаемая энергия и воля к жизни. В его душе теплились благородные мысли, озаренные лучезарным обликом будущего.

„Итти — легко, точно плывешь в воздухе. Приятные думы, пестро одетые воспоминания ведут в памяти тихий хоровод; этот хоровод в душе — как белые гребни волн на море, они сверху, а там, в глубине — спокойно, там тихо плавают светлые и гибкие надежды юности, как серебряные рыбы в морской глубине". („Рождение человека.")

Молодой странник, восхищаясь силой и красотой девственной природы, думал о горестях и нищете людей.

Это был Алексей Максимович Пешков, будущий гениальный писатель. Свои впечатления об Абхазии Максим Горький описал в одном из ранних своих рассказов („Рождение человека"). В небольшом рассказе, мастер художественного слова, Максим Горький дал незабываемую картину абхазской природы. Горький любил жизнь во всем ее многообразии, но ненавидел пошлость, тунеядство. На лоне этой красоты Максим Горький нашел трагизм и нищету трудящихся.

В начале 90-х годов прошлого столетия в России был страшный голод. Сам писатель в описываемое время тяжелым физическим трудом добывал средства для жизни. Он хорошо изучил жизнь рабочих. Здесь, в Абхазии, он увидел орловских, тамбовских мужиков, которые работали в нечеловеческих условиях.

„... Над кустами, влево от меня, качаются темные головы, в шуме волн моря и ропоте реки чуть слышно звучат человечьи голоса — это „голодающие" идут на работу в Очемчиры из Сухума, где они строили шоссе.

Я знаю их — орловские, вместе работал с ними и вместе рассчитался вчера...

Я жил в бараке среди этих людей: по доброй русской привычке они толковали о своих несчастьях так много и громко, что, вероятно, их жалобные речи были слышны верст на пять вокруг.

Это — скучные люди, раздавленные своим горем, оно сорвало их с родной, усталой неродимой земли и, как ветер сухие листья осени, занесло сюда, где роскошь незнакомой природы — изумив — ослепила, а тяжкие условия труда окончательно пришибли этих людей". (Там же.)

С любовью Максим Горький описывает трагизм одинокой беременной женщины, ее муки, которые она испытывала во время родов. Любовь к человеку, к человечеству, которая была заложена в Горьком еще на заре юности, показывает нам его заботу о страдающей женщине, одинокой, заброшенной, вдали от людей. Так было в 1892 году, в старой нищенской Абхазии. Иначе не могло быть в заброшенном уголке царской империи.

Абхазию Максим Горький посетил второй раз в 1929 году, уже новую, социалистическую Абхазию, где бодро шагал народ с неисчерпаемой энергией к новым победам первой сталинской пятилетки. И люди были уже не те. Это были активные строители социализма, окрыленные успехами мудрой ленинско-сталинской национальной политики. Сухуми тоже изменил свое лицо, как и вся республика, навечно сбросив свою ветхую чешую.

Максима Горького глубоко заинтересовала новая Абхазия, ее успехи. Он интересовался устным народным творчеством, и абхазским писателям дал задание изучить и сделать достоянием всего народа это сокровище.

Трое абхазских писателей-комсомольцев, мечтавших поступить в литературный ВУЗ имени М. Горького, получили ответ на свое письмо. В этом письме Горький дал указания литературной молодежи Абхазии, как и над чем работать.

Горький писал:

„Очень советую: учитесь, не ожидая открытия литвуза, читайте, спорьте, попробуйте переводить с абхазского языка на русский, займитесь изучением народной устной поэзии, собирайте и записывайте абхазские песни, сказки, легенды, описывайте древние обряды и т. д.

Все это называется изучением „фольклора" — устного творчества народных, по преимуществу, трудовых масс. И это может много дать не только вам персонально, а и ознакомить многих людей с прошлым Абхазии".

Так М. Горький любил и ценил духовную культуру каждого народа. Радовался расцвету и возрождению всех народов нашей великой родины.

В другом рассказе, действие которого происходит в дореволюционной Абхазии, — „Калинин"—Максим Горький писал:

„Страшно хочется жить, — так жить, чтобы смеялись старые камни и белые камни моря еще выше вставали бы на дыбы; хочется петь хвалебную песню земле, чтоб она, опьянев от похвал, еще более щедро развернула богатства свои, показала бы красоту свою, возбужденная любовью одного из своих созданий — человека, который любит землю, как женщину, и охвачен желанием оплодотворить ее новою красотою".

„Страшно хочется жить". Горячо любил Максим Горький жизнь и творчество. Презренные наемники буржуазии, враги народа, злодейски умертвили великого „светильника разума и человеческой красоты". Но бодрые слова Максима Горького, его жизненный путь будут звать всегда к беспощадной борьбе с врагом, к строительству новой счастливой жизни.

Об абхазских пословицах.

(Статья сокращена.)

В абхазском фольклоре пословицы занимают довольно видное, исторически устоявшееся место.

Изучение абхазских пословиц (как и пословиц вообще) имеет теоретический интерес и практическое значение.

Пословицы нередко украшают нашу речь, придают ей смысловую четкость и выразительность, неожиданную для слушателя новую моральную и эмоциональную насыщенность. В пословицах отслоилось в форме краткого жанра социально-политическое мышление народа и его мудрость и нормы социального и морального поведения в обществе и житейской среде. Здесь весьма важно вспомнить высказывания М. Горького относительно пословиц.

„Обязательно необходимо, — пишет М. Горький, — знать историю народа и также необходимо знать его социально-политическое мышление. Ученые — историки культуры, этнографы — указывают, что это мышление выражается в сказках, легендах, пословицах и поговорках. Именно пословицы и поговорки выражают мышление народной массы в полноте особенно поучительной, и начинающим писателям крайне полезно знакомиться с этим материалом... он превосходно учит экономии слова, речевой сжатости и образности“...*)

История собирания абхазских пословиц связана с возникновением абхазской письменности. Первую запись абхазских пословиц (в количестве 89) произвел Г. Курцикидзе и поместил в книге „Абхазский букварь“, изданной под руководством Б. Бартоломея в 1865 г.

Народный писатель Абхазии, видный абхазовед Д. И. Гулия довел количество собранных пословиц, загадок и скороговорок до 488, которые были изданы отдельной брошюрой в 1907 году на абхазском и русском языках. В настоящее время количество записанных пословиц, загадок и скороговорок Д. Гулия довел до 1000.

---

*) М. Горький. „Литературно-критические статьи“, 1937 г., стр. 346.

Результаты дальнейшего собирания абхазских пословиц весьма интересны. Несомненно, здесь будут и новые социальные напластования, связанные с бурной революционной эпохой. В пословицах мы находим следы переживания древнего быта: эпохи родового строя и феодализма. Начнем с первого. Сохранившиеся в абхазском языке термины: „აჟილა“, „აშთრა“ (фамилия, род) выражают основные принципы родовой организации.

В идеологическом отношении тогда господствовали различные родовые религиозные воззрения. Основные из них: культ природы (священные горы и деревья, вера в различных духов — земных и небесных), культ предков (культ козла, кузницы, почитание мертвых и т. д.). Например, пословица „дерево стоит своими корнями, а человек своим родством“ выражает этот комплекс родовых связей древнего человека. Большим несчастьем была потеря этих родовых связей. „Разорившийся от врага, — говорит пословица, — заживет опять, а если от родства — разорится навсегда“.

И другие пережитки родового строя оставили свои следы в пословице (гостеприимство, кровная месть).

„Старая кровь, — говорит абхазская пословица, — не гниет и не умирает“.

Встречаются пословицы с мифологическим происхождением: „ажвейпшаа, дай тому, кому до сих пор давал“ *). Или: „В грабовое дерево молния не бьет“ (абхазское поверие).

Но пословицы, связанные с более ранними переживаниями, свойственными древнему быту, не дошли до наших дней, или дошли в очень скудных размерах.

„Надо полагать, — говорит проф. Ю. М. Соколов, — что огромное большинство зарегистрированных собирателями пословиц являлось выразителями крестьянской психологии, сложившейся на основе натурального хозяйства феодальной эпохи. Власть земли, непосредственная зависимость от явлений природы, медлительность и консерватизм жизни, фаталистическое признание неизбывности своей судьбы, преклонение перед авторитетом земной и небесной силы, патриархальность быта, семьи, и устойчивость обычного права, регулируемого сельским „миром“, — вот почва, на которой выработались пословицы, просуществовавшие века, в соответствии с устойчивостью крестьянского хозяйства“. **)

Большинство абхазских пословиц носит характер нравоучения, обсуждения дурного и полезного, доброго и

*) Ажвейпшаа — божество охоты у абхазов.

**) Проф. Ю. М. Соколов. „Русский фольклор“. Вып. III, стр. 10.

злого, в общем размышления патриархального крестьянства об окружающей действительности и явлениях природы в форме поэтического жанра.

Пословицы возникли исключительно из наблюдений над реальной действительностью, ибо „пословица основывается на неизменном наблюдении, и этот вывод из наблюдений действительной жизни и выражен в пословице, она представляет непреложную истину, основанную на вековом наблюдении жизни“ *).

Короче говоря, в пословицах выражена выработанная опытом практическая философия.

В центре жизни патриархального крестьянина лежит его хозяйственное благополучие, оберегание своей собственности, своего имущества от худых последствий. Об этом и говорит пословица: „Во время грома, каждый ударяет в свой амбар“. Забота о своем скоте лежит в центре хозяйственной жизни: „У несчастного корова не отелилась“, „У хорошего пастуха—четыре глаза“, „Благодари бога, чтобы он соседу твоему дал быка“.

Много пословиц посвящено животным, особенно лошади, т. к. лошадь являлась лучшим помощником в жизни горца. Любопытно отметить, что вековые наблюдения над лошадью дали возможность крестьянину установить признаки хорошей и дурной лошади. Например, „Косоглазая лошадь — пуглива“, „Упрямая лошадь — иноходная“, „У плохой кобылы — пушистая грива“.

Судьба осла в абхазской пословице иная. Вообще, пословицы, посвященные этому животному, большей частью понимаются в переносном смысле для обозначения крайней умственной ограниченности („У осла резали ухо, — „что это такое“, — спрашивал он“).

Есть пословицы, отражающие темпы консервативного крестьянского хозяйства, неуверенность в своих силах перед окружающей природой: „Кто поспешил, у того сын ослеп“, „Кидай камень в дикую утку, попадет — хорошо, не попадет — не беда, камень прибавится к камням, а утка присоединится к уткам“.

В пословицах сохранились и наиболее грубые формы патриархальных нравов в семье: „Не верь своей жене и своему оружию“, „Больше бойся своей жены, чем своего врага“.

В пословицах выражены золотые правила житейской мудрости и морали. Например, пословицы о правде („Правде широкая дорога“), лени („Кто до моста пойти поленился, того река под мост потянула“), трусости („Че-

*) Иллюстров. „Жизнь русского народа в пословицах и поговорках“. Введение.

ловек, боясь смерти, убежал в такое место, где живыми людей хоронили"), глупости („Не тот глуп, кто в чердаке сеял кукурузу, а тот, кто вместе с ним сеял").

Или: „Человек для человека — лекарство", „Вода смоет все, кроме чести".

Уже и этого достаточно, чтобы убедиться, насколько актуальна мораль, выраженная в пословицах, в выработке твердого и цельного характера.

Мы ближе подошли к классовой основе абхазских пословиц. С развитием экономики, шло углубление социального неравенства, обострение классовых противоречий.

Проникновение товарно-денежных отношений в абхазскую деревню вызывало диференциацию крестьянства и обостряло классовую борьбу.

Все это порождало мысли о социальном неравенстве: „Богатство — господство", „Несчастный зарабатывает, а счастливый пользуется", „Долг и заем не стареют", „Чужой рукой жар загребает", „Не позволяй заглядывать в твой кукурузник тому, кто ничего не имеет".

Наблюдается оберегание обычаев старины, с явно выраженным классовым содержанием: „Имевший достаток сделал поминки по отцу и по отчиму, а не имевший — и по родному отцу не сделал".

В пословицах отразились и нападки против религии, церкви, „духовных отцов" — попов: „Поп жалел свою жену, а дьякон ухаживал за ней", „Поп что увидел, то и освятил".

Характерно выражение: „პაპანწყურ ამაა უწაბგვეიტ" (провались как Папанцкур), — абхазцы употребляли в смысле сильного проклятия, а также поговорка: „Поп заставил кричать свинью, а зарезал собаку" (своим работникам) ამაჲ იუაამჷეეა ამაა რყაანგ ალა რზიშტ"), которые связаны с известной легендой о попе, обманувшем крестьян.

„В отношении социальной природы пословиц, — пишет Соколов, — перед фольклористами-марксистами стоит огромная задача классификации пословиц по классовому признаку"... И дальше: „Но на пути такого социологического изучения стоит множество трудностей. Пословицы, возникнув в одну эпоху, в условиях определенной социально-экономической формации, в определенном социальном слое, продолжают жить века, применяясь к новым социально-экономическим условиям, приноравливаясь к иной классовой психо-идеологии, наполняясь социальным содержанием". *)

Установить хронологию абхазских пословиц весьма трудно ввиду того, что они потеряли своих авторов и стали анонимными.

*) Ю. Соколов. „Сказители", стр. 16.

На помощь может притти соответствующий анализ (литературные и сравнительно-исторические экскурсы и свидетельства древней письменности).

Здесь весьма интересно привести одно замечательное высказывание Н. Я. Марра о судьбе одной абхазской пословицы, а именно: „В чьей лодке сидишь, того песню пой".

Судьбу этой пословицы Н. Я. Марр рассматривает, как переживание древнего быта, и здесь же отмечает, что „в сравнительно недавнем прошлом, именно в 17 веке, абхазы, ныне оттиснутые от берегов моря в глубь края, продолжали пользоваться славой пиратов, опасных для ближайших соседей и вообще для путешественников".

Н. Я. Марр о той же вышеуказанной пословице говорит следующее: „Как однако вымирают в абхазской среде переживания древнего быта, интересно наблюсти на судьбе следующей характерной абхазской пословицы: „В чьей лодке сидишь, того песню пой". Эта пословица была записана мною в 1914 г. в селении Калдахвары со слов старика 70 лет. Ее знают, вероятно, многие абхазцы, значительно более молодые. Один из молодых абхазских сотрудников в Гудаутах, 22 лет, откровенно заявил, что он не знает значение слова лодка, а присутствовавший тут же другой сотрудник мой, сверстник его, не только не знал слова лодка, но и самого слова, кстати, имеющегося в евангелии, не слыхал, но пословицу знает, однако, в ином варианте, а именно: „На чьем дворе находишься, того песню пой". Так гибнет на наших глазах живая старина".

Как видно, одна и та же пословица, видоизменяясь и приспособляясь к иной обстановке, меняет свое первоначальное значение.

Историко-сравнительные экскурсы и свидетельства памятников письменности дают ценные материалы о связи пословиц с важными событиями в жизни народа и степени тех влияний соседних народов, которые народ переживал в прошлом.

Пословица — определенный жанр в системе фольклора. Народная мудрость в ней оформлена, как краткий поэтический жанр. Анализ абхазских пословиц со стороны формы должен выяснить:

1. Ритмику.
2. Синтаксический строй (звуковые особенности, аллитерация, рифма, ассонанс).
3. Образы (метафоры, поэтические источники).

Но эти вопросы требуют самостоятельного изучения.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Введение	3
Очерк об абхазской литературе	7
Горький в Абхазии	45
Об абхазских пословицах	49

Ответственный редактор *А. М. Чочуа.*
Технический редактор *М. С. Пищик.*
Корректор *И. Д. Черемных.*

Сдано в производство 5/X 1940 г. Подписано к печати 23/XI 1940 г. Объем 3,5 печ. листа. Вместимость 1 печ. листа 46080 тип. зн. Формат бумаги 60×92 см. Заказ № 6385. Тираж 1100. ГБ 955.

Типо-литография Абгиза, гор. Сухуми, ул. Ленина, № 4.

1500 г.

ОПЕЧАТКИ

Страница 14, строка 26 сверху.
Напечатано: უკუთვალებ, следует читать: უკუთვალ.

Страница 40, строка 7 сверху.
Напечатано: литературы, следует читать: литератора.

ЦЕНА 50 КОП.